

Сандомирский Герман Борисович

Фашизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г38

Г38 **Герман Борисович С.**
Фашизм / Сандомирский Герман Борисович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 156 с.

ISBN 978-5-519-84661-5

ISBN 978-5-519-84661-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

освободил меня из камеры, где мы сидели с моим спутником. По возвращении моем из участка в гостиницу, где меня ожидали друзья, занятия наши возобновились. Дискуссия длилась уже около 2 часов, как, вдруг, по встревоженному лицу миланского товарища, которого вызвал из комнаты «свой» кельнер, я понял, что назревает какая-то новая история. Оказалось, что дом окружен со всех сторон бандами фашистов. Их привел тот же секретарь полиции, который производил обыск,—оказавшийся лидером местных фашистов. Он остался недоволен решением комиссара выпустить меня, и решил взять «живьем» меня и Малатеста. Два часа длилась уже осада, мы продолжали вести свою беседу (ничего другого нам не оставалось делать!), кельнеры приносили ежеминутно все более и более грозные сведения,—как, вдруг, приходит радостная «сводка» с фронта: прибыло подкрепление в лице нескольких десятков «arditi rossi» ¹⁾, заявивших устами присланного ими делегата, что они не дадут в обиду ни Малатеста, ни меня. Мы сидели во внутреннем флигеле, и нам трудно было разглядеть всю толпу, но угрожающие голоса и перебранка на улице между фашистами и красными до нас доносились отчетливо. Нам рассказывали, что фашисты не хотят верить тому, что итальянские анархисты захотели прослушать доклад своего товарища о русских делах. Они уверены, что анархисты собираются «поднять мятеж» в самой Специи и т. д. Характерно, что те же подозрения высказывал нам в глаза юнец-фашист, производивший обыск, а теперь руководивший блокадой. Из его планов, однако, ничего не вышло. Превосходство оказалось на стороне красных. После небольшой рукопашной фашистам стало ясно, что на победу рассчитывать нельзя,—и они, как будто отказавшись от агрессивных замыслов, продолжали стоять у ворот, ожидая нашего выхода. К вечеру пришел приказ из Генуи—отправить меня в Рапалло, а Малатесту — с ближайшим поездом в Рим. После некоторого обсуждения решено было, что я выйду первым. В сопровождении одного местного рабочего я вышел за ограду, чтобы отправиться на вокзал,—и тут впервые, лицом к лицу, увидел банду этих молодых хулиганов, сеящих панику, убийство и разбой по лицу всей многострадальной Италии. Их было несколько десятков. По внешнему виду — все учащаяся молодежь и, во всяком случае, подростки лет 17—18, с гордостью носящие символические черные рубашки и особые значки. В руках у всех были толстые палки (оружие обычно прячется по карманам). Каюсь, не заметил я на их лицах ни «священного энтузиазма», о котором часто любят

¹⁾ Красные боевики,—отряды из рабочих, ведущие партизанскую войну с фашистами.

распространяться «в целях объективности» даже враги фашизма. Я увидел ряд наглых, беззастенчивых, раскрасневшихся от волнения, по большей части, безусых физиономий, весьма напоминавших хулиганские лица нашей—печальной памяти—«академической молодежи», срывавшей студенческие забастовки и занимавшейся доносительством на своих товарищей. Разницы—никакой! Они яростно сжимали свои палки и, чувствуя полное бессилие перед лицом «ардити», вполголоса отпускали по нашему адресу угрожающие замечания, покуда мы проходили мимо них. Но красные боевики, выстроившиеся против них стеной, зорко следили за каждым их движением... Как я узнал после, Малатеста был отпущен на вокзал только после длительных переговоров наших товарищей с ними.

И все это, повторяю, происходило в городе, где фашисты в то время не пользовались превосходством и где наиболее смелые из рабочих позволяли себе (правда, с большим риском!) разгуливать по городу с сакраментальными серпом и молотом в петличке! Воображаю, как разделались бы они с нами в какой-нибудь Тоскане или Болонье.

В другой раз мне пришлось видеть близ Санта-Маргериты многочисленную банду фашистов, отправлявшихся на крестьянских подводах, растянувшихся гуськом, в карательную экспедицию против какой-то провинившейся соседней деревни. Те же наглые лица опьяненных сознанием своей власти и беззащитности противника людей, те же черные рубашки, те же значки,—да еще испускаемый ими отвратительный и пронизывающий уши клич: «А poi, Еја, Alalà!»¹⁾—и опять ни тени «священного идеализма», ни малейшей готовности к самопожертвованию в нахальном взгляде,—скорее, воспаленные взоры алкоголиков или психически-расстроенных людей. Дело происходило в воскресенье, часов в 9 утра. Недалеко от карательного «поезда» собралась большая толпа любопытных, отчасти перепуганных за собственную участь людей. Но—ни одного замечания, ни одного протеста из толпы! Подавленность царила во взоре этих забитых людей и прочесть в них можно было одно: «Только бы пронесло эту грозу поскорей мимо нас!»

Так держали себя весной этого года фашисты в Лигурии, где они не могли хвастать особыми успехами. Но уже и там сказывалось то, что во многих местах Италии они сумели наступить своей пятой на грудь рабочих и обездоленных, трудящихся крестьян. И забитые массы Лигурии ждали со страхом момента,

¹⁾ «К нам, Эйя, А-ла-ла!» — воинственный клич фашистов, с которым они идут в бой.

когда очередь дойдет до них. Теперь, когда я пишу эту книгу, очередь уже дошла и до Лигурии,—и во время последних событий фашисты и в Генуе, и в Специи оказались хозяевами положения...

Забитость и запуганность трудящихся масс в Италии, как бы переживающих перед устрашающим влиянием фашизма состояние какого-то психологического анабиоза или даже паралича, меня поразили не только в беседах с рядовыми ее представителями. Отражение этого страха звучало и в голосе многих сознательных товарищей. Когда я говорил с ними о фашизме, многие пережитки самодержавной эпохи вставали передо мной. Такое же волнение и возбуждение, вызванное не только негодованием, но и страхом, можно было услышать в голосе беззащитных студентов и курсисток, отправлявшихся на демонстрации, где их ожидала казацкая нагайка, такая же обреченность—в глазах еврейских юношей, записывавшихся в отряды самообороны,—почти без всякой надежды на успех в борьбе с погромными бандами.

Помню вечер 1 мая в С.-Маргерита, на который были приглашены нами французские и итальянские товарищи,—и три удивительных нюанса, отчетливо послышавшихся мне в пении революционных песен. От некоторых товарищей, кичащихся своеобразным снобизмом, часто приходится слышать, что «Интернационал» потерял свою прелесть в России. Прекрасное и возвышенное,—говорят они,—кончаются с победой; в России «Интернационал» превратился в казенный гимн. Эти люди, должно-быть, не знают очарования силы, приведшей к победе над врагом, и не могут оценить торжественной симфонии, поющей победу самого возвышенного идеала, который когда-либо знало поработенное человечество. Если бы в тот вечер они услышали эти могучие, стройные звуки величественного гимна победивших рабочих—в самом пекле отвратительных торгов, вызванных разыгравшимися волчьими аппетитами врагов русской революции,—они, может-быть отказались на этот раз от своего снобизма.

Затем, запели французы... В их «Карманьоле» не слышно было еще нот ликующего торжества над противником, но зато звучала лихая удаль с в о б о д о л ю б и в о г о блузника парижского предместья, весело идущего в атаку на зазнавшегося буржуа. Но, вот, нестройным, несмелым хором им пришли на смену итальянские товарищи,—и в огромном зале зазвучала наиболее ненавистная фашистам песня местных коммунистов.

Запевалой выступил молодой, красивый рабочий, почти мальчик. У него совсем маленький был голос.—и все же было трога-

тельно слышать его срывающийся на высоких нотах тенорок, которым он старательно выводил:

«Bandiera rossa trionpherà!» ¹⁾).

И волнение, перемешанное с радостными слезами, слышалось в голосах подпевавших ему товарищей и передавалось всем нам. Нахмурился прожженный фашист — хозяин отеля. Никогда под сводами этого величественного зала, выдавшего самые бесшабашные оргии миллионеров-туристов, не раздавалась эта преступная песнь. Снести этот позор пришлось ему только ради русской делегации, занимавшей отель. Он был спокоен, покуда пели «Интернационал» и «Карманьолу», — но его лицо исказилось, когда он услышал песнь взбунтовавшихся итальянских рабов.

Да, гнусные фашистские банды, воспользовавшись рядом благоприятствовавших им обстоятельств, о которых речь будет в самой книге, — сумели наложить ярмо рабства на наших итальянских товарищей, самоотверженно борющихся за торжество социальной революции. От хваленых демократических свобод при первом прикосновении фашистского кулака и фашистской остроконечной палки не осталось и тени. Но они решают успех битвы в пользу фашистов только на сегодняшний день. Своей работой фашисты подрывают то дерево, на которое им удалось сейчас взобраться. Разгул грубой силы, покровительствуемой буржуазным правительством, скоро уничтожит последние остатки демократических иллюзий в умах наиболее отсталых итальянских рабочих и крестьян, — и, может быть, не так уж далек тот день, когда не в робко-распеваемом рабочем гимне, а на самом деле —

«Bandiera rossa trionpherà!»

Москва 10/XI.

Г. С.

¹⁾ «Красное знамя победит!»

I.

«У фашизма нет собственной идеологии».

Если верно, что в России до последнего времени не было литературы о фашизме и все сведения о нем ограничивались телеграфными сообщениями о подвигах его сторонников, то вряд ли это произошло случайно. В этом легко убеждается всякий, кто принимается за изучение фашизма всерьез, по книгам, роаясь в ворохе парламентских и иных речей, произнесенных его лидерами, отчетов их конгрессов, партийных манифестов и т. д. Тот, кто принимается за изучение фашизма, как определенного социального движения, с определенным идеологическим обоснованием, с резко выявленной программой, — разочаровывается в своем занятии чрезвычайно быстро. В этом смысле, следует считать безусловно преувеличенными упреки, которые часто приходилось слышать по адресу коммунистов или анархистов в том, что они пренебрегают изучением этого мощного «социального движения» в лагере их политических противников. Порожденный определенными экономическими и политическими условиями Италии, перекинувшись затем в другие страны, фашизм представляет собою безусловно любопытное социальное явление, но он ни в малейшей мере не обладает теми признаками, которые могли бы ему придать прочную структуру социального движения, опирающегося не только на ясно выраженные классовые или групповые интересы, но и связанного определенной идеологией.

Время, в которое мы живем, — эпоха социальной революции, загоревшейся на Востоке и медленно, но неуклонно перебрасывающейся из России в другие страны, — знает много аналогичных явлений. Возьмем то сплетение многообразных социальных групп, их пострадавших экономических интересов, рушившихся политических планов, ущемленных самолюбий и appetитов, ниспровергнутых авторитетов, — тот сложный клубок ненависти и вражды, лицемерия и предательства, который вызван к жизни русской революцией и который было бы правильно назвать «дворянски-помещичьи - фабрикантски - интеллигентской» контр-революцией. Разве не напрасно потерял бы время тот бытописатель или исто-

рик этой контр-революции, всегда действующей заодно, как действуют в Италии и фашисты, если бы он попытался построить общую идеологию, общую доктрину этой многоголовой и разноязычной контр-революции? Ведь, каждому из нас великолепно известно (и это доказано уже многочисленными историческими примерами, — как, например, неудачно кончившийся роман социалистов-революционеров с Колчаком в Сибири и т. д.), что в случае торжества контр-революции, все переплетающиеся в этом сложном клубке социальные группы перегрызли бы между собой из-за обладания политической властью и экономического господства. Вот почему, изучая отдельные течения внутри русской контр-революции, читая их литературу, знакомясь с их программами и т. д., никто и не подумает тратить время на идеологическое объединение этих течений.

Между тем, на долю исследователя фашизма выпадает именно такая неблагоприятная задача. Фашизм в Италии представляет собою такое же хитросплетение самых разнообразных экономических и политических интересов, как и русская контр-революция. Как и различные, между собою враждующие и не могущие не враждовать, элементы русской контр-революции, эти интересы соединились лишь на время перед лицом общего грозного врага, с той только разницей, что в России враг уже одержал над ними эту победу, а в Италии лишь неустанно, несмотря на трагический мартиролог страданий, выпавших на его долю, готовится к ней.

Выше я назвал преувеличенными упреки, направляемые по адресу коммунистов и анархистов, в их пренебрежении к изучению столь мощного противника, каким является фашизм. Что касается физической мощи противника, то я думаю, что она весьма трезво учитывается коммунистами, анархистами и синдикалистами во время каждодневных боев, ведущихся с ними. Но изучать «теорию» или «доктрину» фашизма — это значит изучать весь комплекс буржуазных доктрин, направленных спутников: империализма, национализма, милитаризма и т. д. Этим доктринам теории коммунизма, анархизма, синдикализма, — всех социальных движений, направленных к уничтожению капиталистического гнета, уделяют, конечно, все свое внимание. Но изучать теорию фашизма — это все равно, что заниматься поисками философского камня в наше время, по той простой причине, что никакой особой теории фашизма нет и быть не может.

Правда, на-лицо есть целый ряд безуспешных попыток создать «на страх врагам» эту теорию, обосновать разбойничьи подвиги фашистских банд стройно разработанной программой фашизма. Как и каждая уважающая себя политическая партия, да еще собирающаяся опереться для осуществления своих задач на многострадальные плечи пролетариата и крестьянства, фашисты, помимо имеющих в их распоряжении военных отрядов, имеют и свои центральные и местные комитеты, группы, ячейки, созывают

периодические конгрессы и усиленно стараются создать свою литературу. Но даже самый беспристрастный исследователь их произведений неизбежно будет вынужден признать, что эти попытки до сих пор не увенчались ни малейшим успехом.

Таким образом, на недоуменные вопросы, которые мы приводим во вступлении: «Что же это, — преступные банды, итальянский союз Михаила Архангела» или «Двуглавого Орла?» — приходится ответить положительно. В идеологическом отношении фашистами создано гораздо меньше, чем нашими отечественными черносотенцами. Черносотенцы наши выросли из темных глубин нашего мрачного прошлого. Их духовным восприемником было правое крыло славянофилов, идеализировавших «православие, самодержавие, народность». Монархические устои, клерикализм, антисемитизм питали их своими соками, давали им жизнь на протяжении долгих десятилетий, выдвигали на защиту их крупные литературные (а иногда и философские) силы. Ничего подобного нет у фашистов. Как мы увидим ниже, они — сомнительные монархисты и еще более сомнительные республиканцы, живут в сильном неладу с церковью, ругаются со всеми партиями, умудряясь вести глубокую «идейную» вражду даже с итальянскими националистами. Оппортунизм теоретический и практический всех сортов и видов возведен в систему. Их писания полны грубейших противоречий и отличаются удивительной поверхностностью. Фашизм — по сравнению с прочно поставленным и затейливо расписанным теремом нашей былой черносотенщины, — наспех и грубо сколоченный ярмарочный ларек, вымазанный кричащей националистически-патриотической охрой, специально на предмет завлечения покупателя. Разумеется, и фашистские теоретики делают все нечеловеческие усилия для того, чтобы найти себе приличных духовных предков. Их писания пестрят популярными именами Гарибальди, Маццини и прочих спасителей отечества, но все эти писания не убеждают в подлинности пред'являемых ими «документов о происхождении». И, если кому-либо из исследователей итальянской действительности очень уже захочется установить точную генеологию учеников Муссолини и д'Аннунцио, мы советуем ему обратиться к той родословной фашизма, которую мы находим в книге анархиста Луиджи Фаббри «*La contr-rivoluzione preventiva*», где он резюмирует ее в следующей исторической параллели:

«Что касается итальянского фашизма, то, конечно, он имеет свое собственное происхождение, свои уклоны в ту или иную сторону и т. д. В некоторых отношениях он лучше, в других — хуже своих заморских братьев¹⁾ и предшественников, но, во всяком случае, он не является исключительной новинкой. Если вы познакомитесь с подробной исторической хроникой Италии за период

¹⁾ Фаббри в своей книге сравнивает итальянских фашистов с венгерскими и баварскими реакционерами, испанскими «хунтами», пинкертонщиками Америки и т. д.

с 1795 по 1860 год, вы уже там найдете его корни. Так, например, «санфедисты» (одно из тайных обществ) вначале было своеобразной патриотически-реформаторской сектой. Но затем оно сделалось реакционным и австрофильским, отдав свой разбойничий кинжал на службу тиранам Италии, превратившись, таким образом, в нелегальную, конспиративную партию, которая взяла на себя защиту существующих учреждений против «красных» конспираторов-карбонариев и членов «Молодой Италии». Эти санфедисты — преимущественно в Фаенце, Равенне и др. городах Романии, провоцировали столкновения с карбонариями, но правительство обвиняло только карбонариев. Так, де-Кастро, например, рассказывает: «Вооруженная кровожадная сволочь, проходя по городам и весям Фрозиноны, всюду сеяла убийства и грабежи под предлогом защиты трона и охоты на либералов, а правительство то и дело приговаривало либералов к виселице, отпуская разбойников на все четыре стороны (курсив Фаббри). Как видите, — поистине нет ничего нового в подлунном мире».

Пусть эта родословная фашистов, «кровожадной, вооруженной сволочи», по нашему мнению, правильно установленная Л. Фаббри, — однако, не приводит в отчаяние читателя, взявшегося за книгу. Мы обещаем самым добросовестным образом, цитируя не только их врагов, но и собственных идеологов фашизма, изложить сущность того, что фашисты выдают за свою доктрину. Мы самоотверженно пустимся с ними в дебри той метафизической абракадабры, которая заменяет, на самом деле, эту доктрину и столь неумело пытается скрыть откровенные аппетиты и далеко не возвышенные поползновения лидеров и членов так называемой «фашистской партии». Но мы слагаем с себя заранее всякую ответственность на тот случай, если из утомительного путешествия он вынесет только убеждение в... правильности вышеприведенной характеристики партии господина Муссолини. Трудно надеяться постичь точную программу «партии», один из вождей которой, Гранди, заявил на ее третьем конгрессе, т.-е. спустя 2½ года ее официального существования, следующее: «Если понимать под словом «партия» политическую силу, которая действует в стране путем соревнования на выборах и в парламенте через посредство известного числа своих политических представителей, то мы уже партия, и таковой мы являемся со временем последних выборов. Но если понимать под словом «партия» такое движение, которое имеет свою собственную идеологию, свою собственную физиономию, свою собственную дифференциацию, то мы еще — не партия».

II.

О добрых критиках фашизма.

Курьезнее всего, однако, что в утомительности этого путешествия повинны не столько сами фашисты, сколько многие из их решительных и непримиримых противников. В этом отношении, фашистам удивительно повезло. То, что они не сумели построить сами, за них поспешили достроить их противники. Таково уж свойство некоторых критиков. Точно не желая «опускаться» до критики нестоящего противника, они спешат великодушно наградить его различными несвойственными ему добродетелями, чтобы затем торжествовать блестящую победу над нагроможденными ими же самими трудностями. Это они создали легенду о каком-то «возрождении» итальянского национализма, о своеобразных социалистических и чуть ли не коммунистических устремлениях фашистов и об их радикализме в разрешении аграрного вопроса. По крайней мере, один из московских журналистов, побывавших в Италии, уверял, что фашисты — в демагогических, конечно, целях — высказываются теперь за раздел помещичьих земель между крестьянами. Говорить такие вещи о фашизме можно только, не будучи знакомым с самой сущностью их деятельности и с подоплекой их движения. О разделе помещичьих земель, даже в демагогических целях, не могут говорить субсидируемые этими помещиками фашисты. Ниже, при ознакомлении с «аграрной программой» фашистов, мы увидим, что ни по одному вопросу они не высказываются с такой похвальной откровенностью, как по этому. Разумеется, где-нибудь в глухой провинции, на собрании невежественных и легко поддающихся обману итальянских крестьян ловкий оратор-фашист может выкинуть такое коленце и, ради конкуренции с социалистами, пообещать легковверным *contadini* передел помещичьей земли или отмену арендной платы. Но можно ли считать эти демагогические выкрики материалом хоть сколько-нибудь пригодным для характеристики программных целей фашистов? Подобные рассуждения напоминают мне курьезные случаи обратного свойства, когда некоторые невежественные фашисты, незнакомые с сущностью русского большевизма, заявляли, что считают своими врагами только

итальянских *рус* (презрительная кличка, которыми они награждают местных социалистов), но что они ничего ровно не имеют против русских большевиков. Много смеялись в итальянской прессе по поводу письма, опубликованного в одной из провинциальных газет солдатом-фашистом. (В подлинности письма можно не сомневаться, потому что под ним был напечатан адрес казармы, из которой оно было прислано). Этого солдата обвиняли в том, что он украл курицу у соседа. И он счел долгом заявить во всеуслышание, что он, действительно, совершил этот поступок потому, что его фашистские убеждения вполне уживаются с... проповедью Ленина. Ленин, ведь, тоже говорит, что, если у твоего соседа имеются две курицы, одну из них можешь взять себе. В этом пункте, по мнению автора письма, учение Ленина совпадает целиком с идеями фашистов.

Эта история с фашистом, Лениным и курицей должна бы приучить к большей осторожности тех критиков, которые готовы наделить фашистское «учение» несвойственными ему идеалистическими и даже полу-социалистическими тенденциями.

Поразительнее всего, что такое рекламирование фашизма мы встречаем не только у ряда прославленных своим оппортунизмом, политических и государственных деятелей Италии, как, например, Саландра, Орlando. Миссироли (кстати, этот последний,—вождь итальянских либералов, оказал неоценимую услугу фашистам своей книгой), но и в публичных выступлениях выдающихся итальянских социалистов. Ниже нам, может быть, придется еще цитировать отзывы Ф. Турати о фашизме; сейчас же мы не можем пройти мимо удивительного выступления такого старого социалиста, как Энрико Ферри. речью которого не раз пользовались и хвастались фашистские лидеры. Ферри нашел возможным удостоить фашистское движение «научных методов исследования», результатом которых явился целый ряд самых неожиданных комплиментов по адресу потомков «кровожадной сволочи». Что это—психологическая депрессия, царящая в стране и с особенной тяжестью обрушившаяся на утомленный мозг старого ученого-юриста и социолога, а в одно время и вождя ортодоксального итальянского социализма. или просто «умственная эквилибристика», столь свойственная социалистической интеллигенции Италии,—пусть судит сам читатель. Мы же, приведя наиболее существенные выдержки из этого своеобразного панегирика фашистам, раздавшегося из уст социалиста, напомним, что Энрико Ферри не принадлежал во время войны к социал-интервентистам и что даже социал-патриотические узы не должны были бы связывать его с шайкой Муссолини.

«Разбираясь в деятельности фашистов,—заявил Э. Ферри.—я нахожу возможным говорить о ней в духе научной объективности. Фашизм, как я уже имел случай говорить об этом, представляет собой весьма сложное политическое и социальное явление. Нельзя отрицать также, что он привлек к себе внимание всех политических элементов Италии. Вот почему следует спокойно